

Белорусские заговоры от *нарядки*: сюжетно-образная и ареальная характеристика, севернорусские параллели¹

Татьяна В. Володина

В статье речь идет об одном из специфических явлений духовной культуры белорусско-русского пограничья – так называемой *нарядке*, под которой понимается как форма насылания порчи на человека, так и болезнь, возникающая вследствие злого умысла и ряда злонаправленных действий. Акционный ряд врачевания от этой немочи практически не представлен, основную нагрузку в исцелении несут заговоры. От основного корпуса белорусских заговоров от болезней данную функциональную группу отличает сложная семантическая структура, когда основная задача избавления человека от болезни сопровождается наделинием его особенной крепостью и неуязвимостью, а также включает довольно агрессивные выпады в сторону недоброжелателей. Среди характерных черт заговоров этой группы – нарочито активное использование религиозной символики, но вместе с тем тонкое и яркое взаимопроникновение христианских и более архаических деталей, образов и приемов. Уникальной чертой представлений и заговоров от *нарядки* является обращение к образу доброхожих.

Представления о *нарядке* известны на территории белорусского Посожья, между тем заговорные мотивы и образы выявляют ряд совпадений с севернорусской традицией, что ставит вопросы о единых истоках и/или дальнейших возможных путях миграции и заимствований. Статья подготовлена на материале полевых записей последних лет, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: заговоры, народная медицина, белорусский фольклор, пограничье, сюжеты и образы, миграции

Заговорная традиция той или иной локальной территории представляет собою органичную часть традиции общеэтнической, основным набором тематических групп, сюжетов, мотивов повторяющую или дополняющую комплексы традиций соседних этнографических

¹ Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ №Г18МС-005 от 30 мая 2018 г.

зон. Вместе с тем выделяются группы, которые не просто фиксируются на довольно узкой территории, но и выявляют ряд деталей и особенностей, которые выделяют эту группу среди прочих. Важно к тому же иметь в виду и фактор пограничья, когда те или иные черты данного заговорного комплекса могли сформироваться под влиянием соседней иноэтнической традиции. В данном случае речь пойдет о нарядке – болезни, возникающей вследствие злого умысла иного человека и известной преимущественно на территории Посожья. Акционный ряд врачевания от этой немочи практически не представлен, основную нагрузку в исцелении несут заговоры.

История собирания и публикации

В самом раннем и авторитетном сборнике Е. Романова один из разделов называется *От нечистья силы, нарядки, падучей, беснования, притчи, сумасшествия, статья, подвоя, поветрия, зъеду, сухоты*, причем этот раздел отделен от раздела *От уроку, суроцы, примовки, глаза*, однако собственно нарядка упоминается лишь в одном из текстов (Романов 1891: 142). У В. Добровольского в заговоре от порчи (с. Иньково Поречского уезда) называется наряд: «И вы, ведьмы калмыки и калдуны чароўники, на чом дали, на чом саздали етыму рабу порчу и наряд: или вы на питяни, или вы на ядяни...» (Добровольский 1891: 200). На неизвестность этого наименования на других территориях указывает комментарий к записи Добровольского из *Словаря русских народных говоров*: «наряд... Доп. (Знач.?)» (Филин, Сороколетов 1985: 143). Именно как наряд и сегодня обозначают болезнь в пограничном Горецком районе Могилевской области: «Ці чулі вы пра нарядку? – Не нарядку, наряд. Да, эта паддзел. Ліда, як здзелалі паддзел, ляжала, рукі былі як тряпкі, ногі як тряпкі, як тряпка была, кармілі яе, а вы́вазілі ўвесь сьвет. Як каго прілюбіць той наряд, хто аддзелываець»².

² Зап. в 2014 г. Володина Т. В. в д. Паршино Горецкого р-на Могилевской обл. от Богачевой В. И., 1933 г. р. Записи Володиной Т. В. хранятся в Фольклорном архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси (АИИЭФ).

Сл 1 – Богачева В. И.

В академическом сборнике из серии *Белорусское народное творчество*, составленном Г. А. Барташевич, кроме перепечатанных текстов Романова, приводится еще несколько архивных записей (Замовы 1992). Наибольшее количество заговоров от нарядки зафиксировано Г. И. Лопатиным в Ветковском районе (Лопатин 2017: 190-196). В целом в последнее десятилетие в районах белорусско-русского пограничья записано более полусотни заговоров именно от нарядки, что подталкивает к некоторым размышлениям. Во-первых, об ареальной характеристике этого заговорного комплекса: каким образом заговоры от этого недуга вписываются в систему вербальной магии данного региона, об образных, символических предпочтениях в этих текстах и т. д. Гораздо сложнее, если в принципе возможно, ответить на вопрос: почему на территории Беларуси именно Поднепровье, Посожье и белорусско-русское пограничье в целом выступают регионом активных верований в колдовство и порчу. Во-вторых, подобная диахронная характеристика может свидетельствовать не о затухании заговорной традиции, как это нередко предпринимается в литературе, а наоборот – о ее активном развитии. И в-третьих, заговоры от нарядки выявляют сходство с севернорусскими текстами, что само по себе вызывает ряд вопросов о путях распространения тех или иных заговорных сюжетов и мотивов.

Представления о нарядке Номенклатура

В объяснениях информантов нарядка – вид порчи, причем преимущественно акциональной, связанной с сознательными действиями вредителя (на след, залом, подклады и т. д.). «Нарядка — вот, другі чэлавек ругаецца, а тады хоча табе зло здзелаць, штоб ты балеў. Возьме, што-небудзь здзелае, а ты знаць не будзеш, з чаго будзеш балець»³, «Прыдзеш жаць, а вязьмо скручана, нарадку дзелалі»⁴; «Нарядка – падносы, падносы. На мелачы дзелаюць, на адзеждзе, на валасах, на іголках дзелаюць дажа і падбрасваюць»⁵; «Нарадка – чужое. Людзям радзяць, штоб помер. Эта ж завецца *Ад чужога*. Эта змеі так дзелаюць толькі. Каму здзелаюць, так памрэ»⁶. Показательно, в заговоре от нарядки нечистая сила приобретает три эпитета по характеру насылая: насыльную, нарадную, прыговорную, т. е. разводятся вербальный и акциональный пути насылая порчи: «Бейце, выбівайце эту нячыстую сілу з раба Божага (імя): насыльную, нарадную, прыговорную, ветрам наносную, само сабой прыкасаюшчыхся!» (Лобач 2006: 129).

Сл. 2 – Кужева Н. А. с мужем

³ Зап. Лопатин Г. И. в д. Чемерня Ветковского р-на Гомельской обл. от Потапневой В. Е., 1919 г.р. Записи Лопатина Г. И. хранятся в Архиве Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова.

⁴ Зап. Володина Т. В. в 2009 г. в д. Вищин Рогачевского р-на Гомельской обл. от Кужевой Н. А., 1928 г. р.

⁵ Зап. Володина Т. В. в 2012 г. в г.п. Хотимск Могилевской обл. от Сильченко Н. П., 1934 г. р.

⁶ Зап. Лопатин Г. И. в 1990 г. в д. Юрковичи Ветковского р-на Гомельской обл. от Кондратовой П. Е., 1912 г. р.

На деятельный характер порчи, именуемой *нарядка*, указывает внутренняя форма самого слова. В. Добровольский приводит даже глагол *нарядіть* со значением *назначить* и приводит следующие показательные контексты – *нарядить калекью искалечить*: «Іон нарядіў жонку калекью; Калекымі ня родютца, рядятца» (Добровольский 1914: 460), то же и в современных записях: «Нарядка – эта хто можа нарядзіць, накінуць па ветру і ўсё, вот табе і нарядка. Падносяць усяго ўсякага. Любэй можа, каторы злы на цябе, хоча атамсціць»⁷. Именно *нарядзіць* может ведьмак, см. у Романова комментарий к заговору: «Каб за столом ведьмак не нарядзів» (Романов 1891: 138). Глагол *рядить* входит в тексты заговоров: «Так табе, змей-чарадзеінік і змяя-чарадзеініца, не судзіць, не *рядзіць*, кругом свету не абляцець»⁸; показательное словосочетание *нарадкі нараджаць* встречается в подробном перечне возможных козней чародейницы (он настолько детален, что являет собой едва ли не всеобъемлющую картину деревенского вредительства):

А ты, ведзьма, царыца, чарадзеініца, а ты, ведзьма-ліхадзейніца, а ты, ведзьмарскі ліхадзейны дзявоцкі сын Максім негедлівы чалавек, а ты, ведзьма-чарадзеініца, а ты, ведзьма-ліхадзейніца, з трёх плеч доч, а ты, ведзьма ўрочная, прыгаворная, намоўная, нарочная, нараджоная, навучоная, ветраная, сатавая, дамавая, лесавая, вінавая, пяцявая, а ты, ведзьма-гнайніца, а ты, ведзьма-слядніца, а ты, ведзьма-няруніца, а ты, ведзьма, чалавека на пуці сустракаеш, а ты, ведзьма, нападаеш, а ты, ведзьма, водамі аўладзяваеш, а ты, ведзьма улюблённа, а ты, ведзьма — разлучніца, і ты, ведзьма, скукі наганяеш, і ты, ведзьма, на людзей сухоты наганяеш, і ты, ведзьма, падкладзень падкладаеш, і ты, ведзьма, скулы насылаеш, і ты, ведзьма, каўтуны завіваеш, і ты, ведзьма, грыжу і плоць паядаеш, і ты, ведзьма, дзяцей унічтажаеш, і ты, ведзьма, плоць мацеры паядаеш, і ты, ведзьма, разлічныя балезні на скот насылаеш, і ты, ведзьма, ум адбіраеш, і ты, ведзьма, гадыні і звярэй насылаеш, і ты, ведзьма, волчы білет даваеш, і ты, ведзьма, ваўкалакам адпраўляеш, і ты, ведзьма, грознай грозой убіваеш, і ты, ведзьма, патніцу накідаеш, і ты, ведзьма, ліхарадкі накідаеш, і ты, ведзьма, прыпадкі наганяеш, і ты, ведзьма, малярыцу развіваеш, і ты, ведзьма, вяху на расу наганяеш, і ты, ведзьма, *нарадкі нараджаеш*, і ты, ведзьма, хмару насылаеш, і ты, ведзьма, халеру насылаеш, і ты, ведзьма,

⁷ Зап. Володина Т. В. в 2016 г. в г. Славгород Могилевской обл. от Зарецкой Софьи Петровны, 1941 г. р.

⁸ Зап. Лопатин Г. И. в 2003 г. в д. Казацкие Болсуны Ветковского р-на Гомельской обл. от Максименко О. Т. 1929 г. р.

сталбняком і холадам аўладзяваеш, і ты, ведзьма, рэўмацізмам аўладзяваеш, і ты, ведзьма, у бане пот забіраеш, і ты, ведзьма, з высаты скідаеш, і ты, ведзьма, п'янкай і віном аўладзяваеш, і ты, ведзьма, жэну з мужам разлучаеш, і ты, ведзьма, на парок сэрца настаўляеш, і ты, ведзьма, экзэму насылаеш, і ты, ведзьма, сударгу насылаеш, і ты, ведзьма, у печань камушкі накідаеш, і ты, ведзьма, нервы распускаеш, і ты, ведзьма, жэлчны пузыр спускаеш, і ты, ведзьма, на жалудак нападаеш, і ты, ведзьма, на панос пераганяеш, і ты, ведзьма, заварот кішок спускаеш, і ты, ведзьма, гландамі аўладзяваеш, і ты, ведзьма, арганізм атраўляеш, і ты, ведзьма, кіслотнасць павышаеш, і ты, ведзьма, цемпературу, коклюш, псіхічэскія забалеванія, нервныя, удушныя, рахіт, оспу, почки, крапіўніцу, вяспаленне легкіх, утамляемасць, жажду, сталбняк, несчасны случай насылаеш, і ты, ведзьма, таўчком у грубу пасылаеш, і ты, ведзьма, усей прыродай аўладзяваеш, і ты, ведзьма, землю аббягаеш, і ты, ведзьма, сонца і ясны месяц запіраеш, і ты, ведзьма, ясныя звёзды на магільнік ізнімаеш, і ты, ведзьма, мёртвае цела паядаеш і чорнаю печань паядаеш (Лопатин 2017: 190, № 498; Ветк.).

В разных областях России глагол *рядить* употребляется в значениях *судить, распоряжаться, готовиться к чему-л., готовить* и т. д. (Филин, Сороколетов 1985: 341). Таким образом, нарядка – вид порчи, основанной на сознательных активных действиях неприятеля.

Заговоры от нарядки

На фоне иных не только белорусских, но и собственно поднепровских и посожских заговоров тексты от нарядки выделяются прежде всего своим значительным объемом. Это тексты, представляющие собой логическое (хотя и не всегда) соединение нескольких основных сюжетных типов. Заговоры, представляющие один определенный сюжетный тип, также встречаются, однако их малое количество и образность лишь подчеркивают общую тенденцию к многокомпонентности.

Прежде всего заговор представляет сам недуг. Характеристика нарядки в текстах заговоров зачастую повторяет ряды эпитетов, относящихся к большинству болезней, – *нарядки начные, полуначные, денные, полуденные, часовые, ветравые, минутные, полominутные, надумные, наглядные, зависные, радасные, приговорные, девичьи, ребячьи*.⁹ См. и довольно подробный реестр:

⁹ Переписала Володина Т. В. в 2015 в г. Климовичи Могилевской обл. с тетради Курепиной М. Н., 1928 г. р.

Стань же ты мне, Госпади, на помощь выгаварить болезнь (рабе божей имя) гаручаю, болючаю, ламучаю, сухучаю, и не сплючаю, и не ядучаю, подлитаю, подкладена, потсыпана, поддадена, подделана, подгадена и на ветер пущена нарядка подумная, погадная, потешная, посьмешная и ветренная, и воденая, и наносная, набродная, мужчинская, бабская, хлапячая, и дявоччая, катяччая, и собаччая, потпупная, подтынная, поддверная, перекрестная, поперешная, дамавога, хадавога (Лопатин 2017: 189, № 466).

Имея в виду, что нарядка – вид сознательной порчи, в заговорах перечисляются ее источники, т. е. преподносятся все категории сельского социума, даже потенциально способные к чарованию: «от нячистыя силы, от тридзевяць колдунов, от тридзевяць ведунов и ведуньев, от колдуна и от колдунихи, от уражэскія силы, от нячистаго духа, от ведзьмы-чародейницы» (Романов 1891: 140, №11; Черик.); «ведзьмаки-чародзейники, и навучоныя и народжоныя, и хромья и сляпыя, и бяззубьяя и сухорукия, и кривоногія» (Романов 1891: 141, № 14; Клим.); «злоснікам, злосніцам, пралюбадзеям, чурадзеем, абідзяшчых, ненавідзеўшых рабы Божай (імя) загаварываю-замаўляю зубы і губы, ярыя очы, смачны язык» (Лобач 2006: 130; Красноп.); «ведзьмы-ведзьмакі, чарадоўнікі, ці вы навучоныя, ці нарядчыныя, з пераду пасьціжныя, ззаду пасьмешныя»¹⁰; «ні ведзьмаку, ні вядзьмоўке, ні заломшчыку, ні заломшчыцы, ні таму чалавеку, хто два разы матку ссець»¹¹.

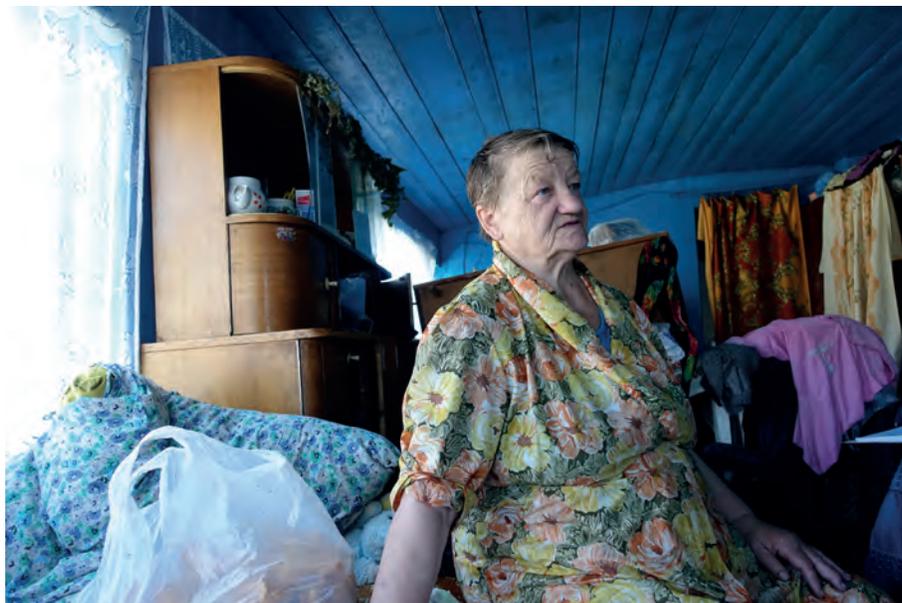
Сл. 3 – Кabanцова Р. Н.

¹⁰ Зап. Володина Т. В. в 2012 г. д. Ивановка Хотимского р-на Могилевской обл. от Матюшенко В. С., 1927 г. р.

¹¹ Зап. Володина Т. В. и Боганева Е. М. в 2012 г. в д. Мышевое Костюковичского р-на Могилевской обл. от Кabanцовой Р. Н., 1939 г. р.

Наряду с общими обозначениями людей с негативно направленной силой (вядун, калдун, ведзьма), выделяются люди с особенностями внешности (троезубья, храмыя і сляпыя, і бяззубыя і сухарукія, і крываногія), отступлениями в семейной жизни (двоежонья, пралюбадзеі, дзявоцкі сын), упоминаются такие категории, как *хто два разы матку ссець*, экспрессивные *людзеды*.

В заговорах описываются и собственно пути насылания порчи – «подлита, подкладена, потсыпана, поддадена, подделана, подгадена и на ветер пущена нарядка» (Ветковский район), в том числе и исходя из внутренней формы наименования чародея – *завойнікі, залоўнікі*. В текстах заговоров отразилась такая распространенная форма насылания нарядки, как пускание на ветер. «Устань, Маць Прачыстая, сунімі вецер, раба божага (імя Марыі) боль унімі. На касцях не хадзіць, касцей не ламіць, болі етай ветранай нарадкі не быць» (Вяргеенка 2009, № 865; Чечер.); «Ветрам абвееяна, віхрам абвітая» (*Ветк.*), неоднократно описываемое в рассказах: «Нарядка – вредная вешч, можаш на вецер найці. Другія бабкі такія, што знаюць, яны на растанькі ідуць і нарядку пускаюць на людзей: 'Няхай ёй тое і тое'. Найдзеш на віхар і забалееш».¹²

Сл. 4 – Юркина А. Ф.

¹² Зап. Володина Т. В. в 2014 г. в д. Сидоровка Краснопольского р-на Могилевской обл. от Юркиной А. Ф., 1927 г. н.

Такое прямое обращение к болезни с подробным перечислением ее причин и источников позволяет отнести заговоры от нарядки к сюжетному типу устранения недуга, который имеет чаще коммуникативную структуру, представляющую собой последовательность формул и мотивов. Данный сюжетный тип наряду с типом обращения в мифологический центр были предложены и описаны Т. А. Агапкиной как универсальные и базовые для восточнославянской традиции (Агапкина 2010). Сюжетный тип устранения недуга распадается на две группы: один описывают саму болезнь, второй сосредотачивается на ее изгнании (Агапкина 2010: 91). Прежде констатируется изгнание болезни из частей тела:

Выгаварываю-вымаўляю з жыл, з пажыл, з рэцівага сэрца, з чорныя печані, з белага лёгкага, з мяккага жывата, смашнага языка, буйныя галавы, з гаручыя краві, з чыстага ліца, з ярых ачэй, з чорных бравей, слухных вушэй, з жыл, з пажыл і з усяго стану выгаварываю-вымаўляю (Лобач 2006: 129; Красноп.).

Затем подробно описывается изгнание болезни в далекие пустынные места: «Вазьмі ты гэту хвор і боль на мхі, на балоты, на гнілыя калоды, на сухія лясы, на жоўтыя пяскі, на крутыя берагі, на паганыя травы, дзе пятах не пеў, куры не кудахталі, людзі не хадзілі».¹³ Частотны мотивы недугу больше не мучать человека или недуг мучал человека, пока не стали заговаривать:

Дасюль жа ты, сказка, нарядка намоўная, грызь, любжа, нужда, тэмната і балезнь гуляла, буяла, у раба Божага на нутрэ стаяла, нутра даядала, грудзь узрывала, бакі распірала, дыханне занімаала, косці ламіла, яды не пускала, спаць не давала, пакуль я цябе не ўпрасіла, не ўгаварыла, не ўмовіла (Лопатин 2017: 190, № 469; Ветк.).

Мифологический центр

Практически каждый текст заговора от нарядки наряду с основными компонентами сюжетного типа изгнания недуга включает в себя и элементы сюжетного типа «мифологический центр». Данный тип можно даже назвать доминирующим в этой группе, он необычайно разработан и представлен рядом вариантов, когда действие разво-

¹³ Архив учебной лаборатории белорусского фольклора Белорусского государственного университета: зап. Пантелеева В. в 1982 г. в д. Веремейки Чериковского р-на Могилевской обл. от Игнатовой Е. М., 1899 г. р.

рачивается в сакральном центре. Любопытно следующее представление этого сакрального локуса:

У высокіх гарах залатых скалах цёк ручэй, ніхто туды ня ходзя і ніхто не заходзя, кроме жаркага сонца і яснага месяца. Там Божая Мацер купалась, сваё святое цела вымывала, раба Божага (імя) к сабе прызывала, помачы давала. Залатыя ключы з мора даставала, жалезныя замкі залатымі ключамі адмыкала, атымкала рэкі, крыніцы, азёры, ручаі, калодцы. Вадзіцу асвяшчала, а этаму чалавеку помачы давала.¹⁴

Сакральны́й центр в заговорах от нарядки представлен следующим образом:

- на синем море, реже на горе (Сіяне, Васіяньскай, Кіяне) находится,
- остров (Буян), хотя и довольно редко,
- храм (цар-цэркуў, цэркаў на 12 прыстолаў, «цэркаў на 12 галоў, на 12 вратоў, на 12 вакон, на 12 дзвярэй, на 12 замкоў, на 12 ключэй»),
- камень (Алатыр, Латырь, Ладан)
- церковь дополняется и даже подменяется престолом, за которым помещается сакральный персонаж.

Если в целом «церковь третий по частотности культовый объект второго уровня, после камня и дерева» (Агапкина 2010: 52), то в заговорах этой группы церковь перемещается на первое место. К тому же ярко описывается церковная атмосфера и служба: «ютрени успеваюць, службы совершаюць, проскомиды вынимаюць, харуим воспеваюць» (Романов 1891: 140, № 11). В целом, заговоры от нарядки особенно насыщены христианской символикой, что объяснимо, т. к. в борьбе с чародейством именно эта символика и церковные атрибуты считаются наиболее действенными. В отдельных случаях наблюдается где-то даже механическое нанизывание христианских образов и картин:

На сінім моры прыстола стаяць, ангелы гараць, адно вясло залатое, другая сярэбранае, у адным Мацерь Божая, у другім сам Ісус Хрыстос. Голаву скланіў, раны раскрыў: 'Божа мой, Божа мой, Пятро і Павел, буду вам жаліцца. Ідзіце пакажыце маей Мацеры, няхай яна накрые мяне сваёй чэснай рызай. Ад маіх мук, ад майго белага цела крываваыя рэкі цяклі'.¹⁵

¹⁴ АИИЭФ: зап. Данилкина Т. в д. Язёры Чериковского р-на Могилевской обл. от Шиматковой З. А.

¹⁵ Зап. Лопатин Г. И. в д. Нисимковичи Чериковского р-на Могилевской обл. от Марковской М. Л., 1925 г.р.

Вторая группа сюжетов, которые разворачиваются в мифологическом центре (храме), основаны на прецеденте невозможного.

У царкве саборы стаіць прастол, на тым прастоле стаіць чаша залатая, у той чашы стаяць залатыя чарачкі, іарданскай вадой паналіваны. Як у царкве, у саборы нявернай сіле не бываць, прастола не калыхаць, іарданскай вады не разліваць, так у рабы божай Таццяны нявернай сіле не бываць (Крук 1995: 71; Б.-Кош.); на прастоле Ісус Хрыстос сядзіць. Як этага Ісуса Хрыстоса не пазнаць, па іменю не ўвазваць, так (імя) не ачараваць.¹⁶

Это необычайно популярный мотив в данной функциональной группе. Развернутые сюжетные картины живописуют ситуации заклинания чародейников в церкви сакральным персонажем, который перечисляет невозможное для человека вообще. Локализация действия в сакральном центре (в котором все и впрямь должно быть нерушимо и правильно) призвана усилить эффективность заклинания. Магическое воздействие облекается в формулу *как колдуну невозможно это совершить, так он не сможет очаровать имярек*:

На моры на Сіяні, на горе Кіяні стоіць цэрквя. Нихто у тэй цэркві не бываець, окрыми Міхаіла-архангала-листрапія господняго. Посярэд яе стоіць престол, на том престоли па чатыре краі ляжиць чатыре хрясты; пасярэд яго ляжиць пашанишная проскура, гориць ярая свеча, ляжиць книга-вангалія. Міхаіла-архангал на 'бедню становитца, книгу вангалію читаець, ведзьмаков заклінаець: што вы задумалі, загадалі, то ваша дзела не придзетца: як вам на ўсім свеці росы ня биць и травы не топтаць, и ўсяго свету не злетаць, и на ўсім свеці хлеба не пожираць, и ў мори воды не попиць, и ў мори глыбіны не достаць, и 'т моря до неба вышыны не сознаць, и на неби звёзд не перелічиць, выше месика не ходзиць, и жаркаго сонца не зняць, и гасподнія колясницы не повярнуць, и ў етой цэркві ня быць, кыло престола не ходзиць, и хрясцей не цулуваць, и пашанишной проскуры не зьедаць, и ярыя свечы не гасиць, и книги вангалія не читаць, – так жа вам, ... не счаруваць (Романов 1891: 140-141, № 14; Клим.).

По популярности мифологическому центру море-камень/церковь-престол заметно уступает группа текстов, в которых этот центр представлен деревом:

- среди поля (мора-лукамора)

¹⁶ Зап. Володина Т. В. и Боганева Е. М. в 2012 г. д. Мышевое Костюковичского р-на Могилевской обл. от Кабанцовой Р. Н., 1939 г. р.

- растет дерево – в абсолютном большинстве дуб
- под которым находятся внехристианские персонажи, три девицы – рукодельницы, сто сестриц, дедька, братья.

На сінім моры, на востраве, стаіць дуб-старадуб. Пад тым дубам сядзяць тры дзявіцы, родныя сястрыцы. Адна шые-вышывае, другая боль умаўляе, трэцяя нарадку забірае¹⁷; На моры, на востраві ляжыць камень Ладан. На том камні сядзіць беленькі дзедзька. Што ён дзелае? Вадзічку размывае і у етага чэлавека нарадку вынімае (Лопатин 2017: 190, № 471; Ветк.).

Двенадцать братьев нарядку обычно *сякуць-рубаюць*, но когда перемещается за престол, автоматически приобретают новый предикат – занимаются соответствующим действием: начинают читать: «На сінім моры, на сінім камні за прыстолам сядзяць дзвінаццаць браццеў, святоя чытаюць, ад раба Божжага Івана нячыстаю сілу адганяюць».¹⁸

Из христианских персонажей под деревом среди поля может появляться лишь Божья Мать – «На моры-лукамор’і стаяла белая бяроза, пад той белаі бярозай стаяла цясовая краватъ. Маць Прачыстая стаяла, украпляла мудрасцю...» (Вяргеенка 2009, № 865; Ветк.). В мифологическом центре может находиться и сам заговаривающий – «на том мори лукамори ляжить белый камень, с-под того камня бьёт вода рекою, быстраю волною. Я ж с той воды набираю раба божий Марию помочи шукаю».¹⁹

Любопытно и то, что в заговорах от нарядки может встречаться два (в единичных случаях три) мифологических центра, и в каждом из них на помощь больному приходит сакральный персонаж:

Госпаду Богу памалюсь, Маці Прачыстай пакланюсь, усім святым угоднічкам, усім святым апосталам. Ранняя зараніца, усяму міру памашніца, прыступі к рабе божжай на помач. На поле, на Буяне стаіць прыстол засланы. За прыстолам сядзіць бабка, Божжая Мамка, прылятае к ёй тры ангелы: ‘Ой ты, бабка, Божжая Мамка, будзе табе спяваць, а ідзі (на імя) рабу Божжая ратаваць, балезнь атнімаць — з нагцей, з кагцей, з жыл, пажыл, з крыві, з жывата, з буйнай галавы, з усіх суставаў раннімі зарамі, Божжымі славамі’. Гаўрыла, Гаўрыла, стань на помач ад этай балезні, штоб ты болі не пасылаў, штоб большэ раба Бож-

¹⁷ Зап. Лопатин Г. И. в д. Залавье Чечерского р-на Гомельской обл. от Янковцевой М. С., 1912 г. р.

¹⁸ Зап. Лопатин Г. И. в п. Новины Ветковского р-на Гомельской обл. от Сыченковой А. Б., 1924 г. р.

¹⁹ Переписала Володина Т. В. в г.Климовичи Могилевской обл. с тетради М. Н. Курепиной, 1928 г. р.

жая не ўскрыла. На моры, на акіане ляжыць белы камень. На тым камне сядзіць дзявіца, Гасподняя памашніца. Яна сядзіць-пасядае, на помач к рабе Божжай 12 апосталаў прысылае, усі балеzni атнімае – з нагцей, з кагцей, з жыл, з пажыл, з крыві, з жывата, з буйнай галавы, з усіх суставаў».²⁰

Особенности персонажного состава

В сакральный центр заговоры помещают персонажей, которые наделены исключительными свойствами, высоким статусом, им вменяется обязанность и дается право избавить страждущего от болезни (Агапкина 2010: 60). Условно персонажей можно разделить на христианских и нехристианских. Очевидно, в данной функциональной группе преобладают тексты с участием христианских образов. Необходимо подчеркнуть и то, что за каждой из групп персонажей устойчиво закреплены соответствующие предикаты.

Так, *Богородица* листает книгу Евангелие и просит помощников выгонять нарядку, довольно устойчивы в руках у Божьей Матери и образы золотой чаши (*дзіржала тры чашы залатых, не прастых, і выгаварывала нарядку*) и ее святой ризы (покрывала): «На горе на сияне на горе на акіяне ляжыць ладар и камінь. На том ладори камни святая Мать Пречистая приручает и судержаеь ерданскую водою обмывает и святою ризаю закрываеь»²¹. Реже Божья Мать изображается на камне: «...у сіянга мора ляжыць высокі белы камень, на том камні сядзіць Мацер Божжая. Сядзіць размаўляе, усе нарядкі адмаўляе»²². Богородица преподносится как заботливая и страдающая Мать: «На полі на Буяне, на моры на Сіяніі ляжыць Латар – белы камень. На том Латарэ, на белам камені Прачыстая Маць Святого Спаціцеля садзержала, ірданскаю святою вадою змывала косці і мождзі і чорнаю святой ризаю закрывала» (Лобач 2006: 130; Красноп.) и покровительница всех болящих.

²⁰ Зап. Нечаева Г. в 1999 г. в д. Старые Малыничы Ветковского р-на Гомельской обл. от Романцовой Л. М., 1925 г. р. хранятся в Архиве Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф. Г. Шклярова.

²¹ Переписала Володина Т. В. в г. Климовичи Могилевской обл. с тетради М. Н. Курепиной, 1928 г. р.

²² Зап. Володина Т. В. в 2008 г. в д. Круговка Добрушского р-на Гомельской обл. от Пархоменко М. В., 1937 г. р.

Сл. 5 – Пархоменко М. В.

Господь Бог, Иисус Христос изображаются в первую очередь в церкви за престолом со священными книгами в руках, однако Христос может выступать и активным воителем – «Ісус Хрыстос с чарадзейскімі нажамі ад нарядкі ізбаўляя і чарадзейства разрызаю» (Лопатин 2017: 193, № 479; Ветк.) (любопытно вкладывные Иисусу в руки *чародейских* ножей); «Рассердзіўся сам Гасподзь на чарадзейніцу, на чарадзейніка, спуściўся з нябёс. Тры святых з трыма мячамі на кускі мяса рассякалі, на штыкі сажалі, рабе божай (імя) помачы давалі» (Вяргеенка 2009: № 836; Чечер.).

Ряд персонажей-церковнослужителей (тры падпаповічы, поп Пратасей) занимаются изгнанием нарядки наряду со своим обычным делом – чтением святых книг. В целом необходимо отметить, что победа над вредителями в заговорах от нарядки осуществляется сакральным целителем прежде всего словом.

Заговоры от нарядки выделяются на общем белорусском заговорном фоне тем, что активно обращаются к образу святого Михаила, который преподносится как *страсны ваявода нябесных сіл, бил трое суток окаянную силу*, активный воитель-победитель змеи-чародейницы:

Свято Михайло на престоли стоиць, видзиць ён нас праведникув и ябедникув и нагоніцелев, и ведзьмов-чародзейницув; и разбиваець вяликую громою, пякучую молоньёю, каляную скалою, богатырським конём, булатным ножом (Романов 1891: 140); Міхайла – нябесный войвода, соскочи з вышняго неба, стальным мечам заколи ведзьму (Романов 1891: 138, № 4); И святы́й Михаіля-арханя, стальным копьём побиваеш, нячистую силу отбиваеш. Сам Господзь Сус Христос святым духом дыхаець, нячистую силу згоняець (Романов 1891: 139, № 7).

В таком контексте заговоры от нарядки особенно близки разговорам от змей.

В единичных случаях упоминается святой *Макей*, *каторы мучан за Ісуса Хрыста* и будет *высекаць дзвенаццаць прудоў на дзвенаццаць пудоў*. В русле календарной мифологии видится помощь святого Юрия, который «ачысціў свет травой расою, ачысці ад этага чалавека ліхую нарадку»²³. Еще реже оружие берет в руки сам заговаривающий: «буду калоць штыкамі, вашу кроў разьліваць»²⁴; «скую вострую меч, буду выганяць нарадку з галавы» (Замовы 1992, № 953; Светл.). Встречаются и безымянные женские персонажи – *дзявіца*, *Гасподняя памашніца*, которая *на помач 12 апосталаў прысылае* (Чечерск.) – чаще всего рукодельницы.

Одной из ярких особенностей заговоров от нарядки является включение в ряд сакральных помощников особого класса персонажей – духов и хозяев дома и пространства вокруг (домового, лесового, полевого и т. д.). Судя по текстам, отношение к ним в высшей степени почтительное, они приобретают царственный статус и призываются на помощь в одном ряду с самыми высокими христианскими персонажами: «Три цари грозныя, а три браты родныя: одзин палявыый, а другей домовый, а третцій лесовый, – вокряпили зямлю, вокряпиця раба божаго, русаго воласа. Сус Христос, маць Прячыстая, станьця на помочь!» (Романов 1891: 141, № 15; Клим.). То же в современных записях: «Мікіта, Мікіта, божы царык, земляны царык. Вазьмі ты ад раба Божага (імя) чэрвенства ад хребетнай касці, ад шырокага серца, вазьмі ты яго чэрвенства»²⁵,

²³ Зап. Володина Т. В. в 2009 г. в д. Столпня Рогачевского р-на Гомельской обл. от Кухаренко Н. Е., 1933 г. р.

²⁴ Зап. Володина Т. В. в 2012 г. в д. Ивановка Хотимского р-на Могилевской обл. от Матюшенко В. С., 1927 г. р.

²⁵ Архив учебной лаборатории белорусского фольклора Белорусского государственного университета: зап. в д. Веремейки Чериковского р-на Могилевской обл. от Игнатовой Е. М., 1899 г. р.

«Цар вадзяны, цар ветраны, цар земляны, хлеб-соль і хваробу мае забяры, а мне здароўе вярні»²⁶.

Господа Бога прашу і прыкланяюся яму. Прасвятой Мацяры Багародзіцы прашу і прыкланяюся ёй. Святых апосталаў прашу і прыкланяюся ім. Святога Яромолу прашу і прыкланяюся яму. Святую Ганну прашу і прыкланяюся ёй. Святых дзяцей прашу і прыкланяюся ім. Прашу дамавога і прыкланяюся яму. Прашу лесавога і прыкланяюся яму. Прашу самага Госпада Бога нябеснага і прыкланяюся яму. Згані, Госпадзі, балець, нядугу, нарадку. Хрыстос уваскрэс, спасі, вазлячы мяне. Амін (Васілевіч, Салавей 2009: 278, № 1281).

В рукописной тетради М. Н. Курепиной из г. Климовичи в заговоре от нарядки данные духи, соответственно местной традиции, именуется хозяевами: «Святой Михаил архангил ходит хозяин домовый ходит хозяин полевой ходит хазяин лесовой. Приступайте к Господу Богу молится а этому человеку сразу перахватъ. Амин...». Такая же практика характерна и для Ветковского и Чечерского районов. «Прашу первага хазяіна Федосію, а другога дамавога, лісную хазяйку Федосію, а другога дамавога і цібе, вецер Гасподні Божжый Багатыр. Ідзеш ты па дарогах, па лісах, па калінавых мастах, ізганяіш із раба Божжага Івана із душы выгаварываіш чараўніц і чарадзеяў нарадку»²⁷. В этом же регионе особенно популярны представления о доброхожих, которые, с одной стороны, могли выступать одной из причин болезни, а с другой – помогать в исцелении. Вероятно, в следующих текстах обращаются именно к ним:

Адам Адамавіч і Адам Фёдаравіч, хлеб-соль прынімай, хваробу вазьмі, а здароўе вярні. Памаліся, а патом вазьмі хлеба із соллю, скібачку, і этат хлеб занясі на раскрэсы вечырам. І астаў там с такімі славамі: – Адам Адамавіч і Адам Фёдаравіч, хлеб-соль прыміця, хваробу вазьміця, і здароўе такому-та чылавеку вярніця. Адам Адамавіч і Адам Фёдаравіч – гэта хто? – Наверна, святыя. Ні знаю²⁸; – Гаўрыла, Гаўрыла, стань на помач ад етай балеzni, штоб ты болі не пасылаў, штоб большэ раба Божжая...²⁹

²⁶ АИИЭФ: зап. Маслобаева С. в 1989 г.в д. Семеновка Климовичского р-на от Гараськиной М. Е., 1903 г.р.

²⁷ Зап. Лопатин Г. И. в п. Новины Ветковского р-на Гомельской обл. от Сыченковой А. Б., 1924 г. р.

²⁸ Зап. Лопатин Г. И. в д. Перелевка Ветковского р-на Гомельской обл. от Малашенко Л. И., 1932 г. р.

²⁹ Зап. Лопатин Г. И. в д. Старые Малыничи Чечерского р-на Гомельской обл. от Романцовой Л. М., 1925 г. р.

– Настасія-Радасія, станьце вы на помашч і сам Гасподзь Бог (Вяргеевка 2009, № 832; Чечер.). – Лес зеленой, лес земленой, богатырь молодой, Вы не один, вас 12 усих, у шубы одевались, белой полой покривались, у дорогу убирались, ишли ж вы фирямы, бурямы, ницами лозами, крутыми беряжками, жовтыми песками, широким надворьем, раба божия (имя) не знала, на следок стала, то простите не дивите, не сама я вас прошу, просят месец, краснае солнышко (Лопатин 2017: 188-189, № 465; Ветк.).

Очевидно, *хозяева* могут выступать источником болезни, нарядки, когда человек по незнанию или неосторожности нарушает правила сосуществования с ними, но вместе с тем и целителями, помощниками, забирающими свое *насыльное*. В таком контексте они предстают семантически близкими колдунам, чародеям, которые могли как накликать на человека беду, отомстить за что-либо, так и помочь в избавлении от нарядки.

Птицы в этой группе заговоров часто выступают в роли помощников-целителей, в первую очередь это ворон, сидящий «на сінім моры на дубе зялёным (без караня, і без каката, і без вярхушкі)», названный в одном из текстов «воран-орлам з зялезнаю дзюбкай, драцяное кокацця, шэрсцяное крылля, драцяны хвост». «Ты ж, чоран воран, не сядзі, а ляці к Івану-хазяіну, вылечай з гэтага чалавека ліхую нарадку, сярэбранымі кагцямі выграбай, залатой дзюбой выдзяўбывай, меднымі крыльцамі выграбай».³⁰

С отдалением от основного ареала нарядки заговоры все более теряют классическую форму, и даже картина мифологического центра с его обитателями отличается от описанных. К примеру см. «...дом новы, будовы. У ім тры юнашы, яны дзеляюць, аддзяляюць і к сабе трох старыкоў жыць прыглашаюць: – Прыходзьце к нам жыць, вы нічога не будзеце рабіць. Первы будзе пісаць, а другі – чытаць, а трэці з (имя) нарадку выбіраць» (Замовы 1992, № 901; Жлоб.).

Мотив пути сакрального персонажа распространен менее, чаще всего дополняет иные мотивы, в качестве сюжетообразующего встречается в единичных случаях. Самым частым путешествующим в заговорах от нарядки предстает Иисус Христос. И в данной группе встречается образ Христа верхом на буланом коне в своей поездке через золотой мост, «золоты мост скалыхнувся, Иисус Христос назад оглянувся, штоб р.б. (имя) худое минулася»³¹; «Ішоў сам Гасподзь з Ісусам,

³⁰ Зап. Володина Т. В. в 2009 г. в д. Столпня Рогачевского р-на Гомельской обл. от Кухаренко Н. Е., 1933 г. р.

³¹ Зап. Володина Т. В. с тетради М. Н. Курепиной, 1928 г. р., г. Климовичи Могилевской обл..

з апосталамі на Сіянскую гару, на ярданскую ваду. Там Ісуса абмывалі, у гасподнюю рызу адзевалі і з скацінкі нарадку выганялі» (Штэйнер, Новак 1997: 491; Б.-Кош.).

Традиционны и картины диалога Божьей Матери с Христом, когда она плачет-рыдает и жалуется сыну на боль. В иных случаях плачет в разговоре с Богородицей больная:

На лукамор'і там стаяла бяроза. З-пад тья бярозы тры ручайкі бягуць. Туды едзе раба божая (імя), плача, рыдае, цяжка ўздыхае. Маці Гасподня пытае, чаму, раба божая (імя), плачаш. А як жа мне, маці Гасподня, не плакаць, не рыдаць. Хоча чарадзея, чарадыха маё здароўе ўзяць. Назад, мае ручайкі, з аднаго ручайка ваду пі, з другога на сябе лі, а я вызаву таго чарадзея і чарадыху на камні маём. Там іх буду секці і рубіць, каб назад здароўе аддаць (Штэйнер, Новак 1997: 498; Гом.).

Мотив ключей, которыми замыкают или же губы чародейнику, или здоровье человека («Залатымі ключамі здаровыя нутры ў рабы Божжай замыкайце, а ключы ў мора адкідайце. Як етым ключам з мора не вярнуцца, так ніякай балезні (імя) не атрыгнуцца»³²), или же непреодолимую преграду вокруг больного, необычайно популярен в заговорах от нарядки, и колдовства в целом. На восточнославянской территории первая фиксация этого образа отыскалась еще в заговоре из Псалтыри XV века из Спаса-Ярославского монастыря. И далее, в рукописных русских заговорах, мотив ключа, лежащего на дне моря, вполне традиционен. «Характерно такое развитие сюжета: сакральные христианские персонажи ставят вокруг протагониста железную стену высотой до неба, запирают ее замками и ключами, а потом бросают эти ключи в морскую пучину, далее может следовать формула невозможного» (Топорков 2005: 59). И в белорусских заговорах:

Абгараджаваю, абстаўляю жалезным пряслам, жалезным тынам, запіраю, замыкаю, і ў мора ключы брасаю. Як з моря ключоў не дастаць, так этага чалавека не счараваць ні чараўніку, ні чарадзеяніцы, ні ведзьмаку ні вядзьмоўцы, ні таму чалавеку, хто два разы матку ссець.³³

Особое место в заговорах от нарядки занимает мотив огораживания и замыкания собственно больного – возведения непреодолимой преграды:

³² Зап. Нечаева Г. в 1999 г. в д. Старые Малыничи Ветковского р-на Гомельской обл. от Романцовой Л. М., 1925 г. р.

³³ Зап. Володина Т. В. в 2012 г. д. Мышевое Костюковичского р-на Могилевской обл. от Кабанцовой Р. Н., 1939 г. р.

На камень станаўлюся, жалезным тынам абгараджуся, медным небам накрывуся, ясным месяцам падперажуся, сярэбрынымі звездамі абгараджуся, пайду чэрыз Суботу-ряку, вазьму Прячыстая Мацеры камень у руку, замкнуць, загаварюць залатымі замкамі, сярэбрынымі ключамі, Гасподнімі р'ячамі. Аддам сярэбрыныя ключы Мацеры Гасподняй: Нясі ты, Мацерь Гасподня, сярэбрыныя ключы у акеан-моря, падлажы пад Берна-камень.³⁴ «Становлюся на медзяным тазу, закрываюся золотым тазом, абгораджываюся зялезным тыном, замыкаюся трыдзевяць замкамі, трыдзевяць ключамі... Положу я тэя ключи у божжим храми на престоли; нехай етыя мое ключи лежаць нярушимо на престоли у божжим храми» (Романов 1891: 140, № 12; Черик.).

Такая же непреодолимая преграда возводится в заговорных текстах и вокруг колдуна: «Огородзи яго, Господзи, каменною сцяною и накрый яго, Господзи, горячую скородою, подмосьци яму, Господзи, зялезную доскою. Тоды яго ведзьма-чародзейница имець, як каменную сцяну илбом пробъець, горячую скороду языком пролижець, зялезную доску ногою проломиць» (Романов 1891: 140, №11; Черик.). Фиксируется и огораживание гадами: «Я змеем падперажуся і вузам падапруся. Кто змея перакусіць і вуза отперет, тот і рабу Божую збережет»³⁵. Как правило, формула космического ограждения следует за описанием пути субъекта – «Устану раненька, памыюсь бяленька, солнышкам агаражусь, месяцам падперажусь, пайду ў горад Русалім» (Замовы 1992: № 1013).

В целом при знакомстве с заговорами от нарядки создается впечатление попадания в мир сказочных образов и картин, которые вплетаются в уже прогнозируемый сюжетный тип мифологического центра и дополняют образы сакральных целителей выразительными деталями:

Выйду я на сіня мора, на сінім моры – залатая качка, у той залатой качцы сядзіць чорная вутка. Пад той чорнай вуткай ляжыць чорнае яйцо. Прыходзіла Маць Прачыстая з залатымі ключамі. У правую руку залатыя ключы брала, караб'ягу атамкала, чорнае яйцо брала, разбівала, у чорнае мора кідала, у рабы божыя (імя) нарадку атнімала, у чорнае мора кідала³⁶. «На сінім

³⁴ Зап. Лопатин Г. И. в д. Казацкие Болсуны Ветковского р-на Гомельской обл. от Волковой Е. С., 1924 г. р.

³⁵ Архив учебной лаборатории белорусского фольклора Белорусского государственного университета: зап. Дёгтева Г. в 1999 г. в д. Романьки Краснопольского р-на Могилевской обл. от Коноплево С. М., 1920 г. р.

³⁶ См. особенно близкий русский заговор: «[Заговор от болезни и порчи] Господи, благослови, отче. Начинаются сии словеса добрые от Христа, Царя Небеснаго(о), и от

моры востраў, і на тым востраве ляжаў камень Алатыр. На тым камні стаяла царква-сабор. У той царкве было тры падпаповічы, яны стаялі, евангелію чыталі, у рабы божай (імя) нарадку атнімалі, у чорнае мора кідалі. Рассердзіўся сам Гасподзь на чарадзеяў, на чарадзеяў, на чарадзеяў, спусціўся з нябёс. Тры святых з трыма мячамі на кускі мяса рассякалі, на шыкі сажалі, рабе божай (імя) помачы давалі. На мой час, на мой прыгавор дай, Бог, час добры, прымі мой дух лёгкі, дай, Гасподзь, рабе божай (імя) помач. Амін» (Вяргеевка 2009, № 836; Чечер.).

Первым разочкам, гасподнім часочкам, Госпаду Богу памалюся, Прачыстай Мацеры пакланюся, сьвятому дзянёчку пятніцы ці чаму. Папрашу Мацер Божую, на помач пазаву, у этага раба Божага нарадку ўніму. Мацер Божая на помач прышла, трох ангелаў з сабой прывяла, і на помач Ісуса Хрыста пазвала. Ісус Хрыстос на помач шоў, асінавы кол нёс, а Мацер Божая ўсіх калдуноў, усіх чарадзеяў сабрала, на сіняе мора гнала. На сінім моры там ляжаў камень, пад тым камнем дубова даска, пад той даской лютая зьмяя ляжала. Сама страўна, сьпіна крывая. Ісус Хрыстос на помач шоў, асінавы кол нёс, асінавым колам стаў зьмяя сьпіну ламаць, віламі рот разьнімаць. А Мацер Божая ўсіх чарадзеяў, калдуноў і зьмеў у рог загнала. жалезнымі замкамі, залатымі ключамі ім зубы, губы замыкала, дубовай даской замасьціла, камень накаціла, пяском засыпала, вадой змыла...³⁷

Сл. 6 – Погребенко С. Т.

всех святителей. // (л. 39) Есть в море камен(ь), в том камени утица, в той утицы яйцо. Пригожается то яйцо ко всякому недугу...» (Топорков 2010: 135-136).

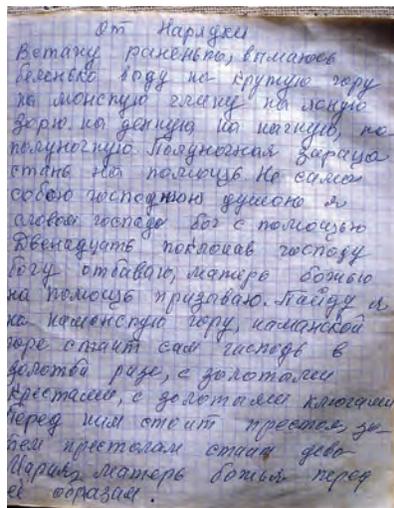
³⁷ Зап. Володина Т. в 2009 г. в д. Каменка Кормянского р-на Гомельской обл. от Погребенко С. Т., 1937 г. р.

В такую наполненную фантастическими образами картину укладывается даже особняком стоящий зачин ветковского заговора:

Загадаю я табе, змей-чарадзеінік і змяя-чарадзеініца, сказку-полусказку. Кругом табе свет абляцець, узнаць табе нябесную высату і марскую глыбiну, спіць табе тры моря, Дон і сіняя мора, узяць табе камень Латыр пад левую паху, іціць табе к Госпаду Богу, Духу Хрыстову, Міхайлу архангела з крэсла зняць, семігласную трубу падняць, мёртвым без пары ўстаць, сасчытаць столькі ў свеце птах, столькі на птахах пер'я, столькі ў свеце дрэў, столькі на дрэвах лісця, столькі ў свеце звярэй, столькі на звях шэрсці (Лопатин 2017: 196, № 488; Ветк.).

Ареальная характеристика

Картографирование всех упоминаний о нарядке выявило локализацию этого комплекса в Днепровско-Сожском междуречье, концентрация материала указывает именно на Посожье. Если же сопоставить полученную карту с картой расселения племен в 10–12. веках, неожиданно наблюдается весьма показательная и любопытная картина. Ареал представлений о нарядке как бы заполняет зону проживания одного из славянских племен – радимичей.³⁸

Карта 1 – Фиксация представлений от нарядки

³⁸ Карта подготовлена Т. Авилиным. К сожалению, отсутствуют опубликованные данные по заговорной традиции Брянщины, западная часть которой являет собою органичную часть белорусской этнической культуры.

Такое яркое совпадение может свидетельствовать в первую очередь о глубокой архаике возникновения подобных представлений в определенном регионе. Компактный и насыщенный ареал данного этнокультурного явления, вероятно, мог бы быть представленным и иными элементами духовной и материальной культуры, которые еще ожидают своего картографирования.

Заговоры от нарядки в системе иных тематических групп

Несомненно, заговоры этой функциональной группы выявляют ряд черт, объединяющих их с заговорами от иных болезней, прежде всего от насланных. Очевидна связь заговоров от нарядки с заговорами от сглаза, нередко и в тексте заговора эти два недуга называются друг за другом, однако в общем блоке заговоров от подобного рода болезней тексты от нарядки все же выделяются достаточно заметно. На территории Поднепровья и в целом по Беларуси бытует ряд групп текстов с названиями *ад з'едкі, ад следа, ад злых людзей, ад чаравання, ад паддзелу* и т. п., которые можно условно объединить под названием «от чародейства». В определенной степени данные тексты выявляют свою сопричастность группе заговоров социальной направленности. В частности, с заговорами, обслуживающими социальную сферу, тексты от нарядки сближает и мотив *чудесного одевания*, мало характерный для лечебных контекстов.

В ситуации заболевания из-за злой воли другого обостряется противостояние человека, христианина, и отступника, представителя злой силы, или же просто человека, силой обстоятельств поставленного вне рамок социума и уже тем потенциально вредоносного. Заговаривающий через описание своей победы над чародеем (самостоятельной или с помощью сакральных покровителей) приобретает уверенность в своих силах, повышает самооценку и уже внутренне способен противостоять вызванному недугу. В этом заключается мощная психологическая компенсаторная функция заговоров. Хотя конфликт переносился в условное пространство магического текста, как и в случае с заговорами на власть, в заговорах от нарядки «можно видеть символическую форму противостояния насилию или попытку индивидуальной адаптации к социальному конфликту» (Топорков 2005: 209). Очевидно, что средствами заговорной картины мира символически осмыслялась коллизия между добром и злом в целом.

Кроме заговоров от порчи, к этой функциональной группе близки заговоры от змеи, что в определенной степени опирается на устой-

чивую традицию пейоративного именованія самих ведъм и чародейниц как змей.

Забярыце, праклятыя змеі, з раба Божжага (імя) свой дух і яд. Ці вы ветрам расслаліся, ці вы след падабралі, забярыце, праклятыя змеі, свой дух і яд з касцей, з машчэй, з буйная галавы, з тонкага воласа, з гаручае крыві, з рацівага сэрца, з ручак рабацьяшчых, з ножак хадзяшчых. А ежэлі вы не паслухаеце, Гасподзь сайдзёць і громам вас уб'ець, маланкай спале, ветрам попел разнясе, дажджом месца смые, на сіняе мора занясе. Як вам, змяям праклятым, па беламу свету не аблятаць, па ўсяму беламу свету хлеба не паядаць, так у раба Божжага (імя) вашаму духу і яду не бываць (Лопатин 2017: 191-192, № 475; Ветк.).

Любопытна, расправа з колдуньямі в заговорах от нарядки ожидается на калиновом мосту, как и со сказочным Змеем-Горынычем. Само вредоносное воздействие квалифицируется в тексте заговора как *дух і яд*, а в помощники, как и в заговорах от змей, призывается Господь или св. Михаил с громом и стрелами. В заговоре из соседнего с Гомельщиной района Брянщины змея-чародейница прямо помещается в руно, а от нее требуется унимать своих слуг и ей же грозит св. Михаил, совсем так, как в заговорах от змей.

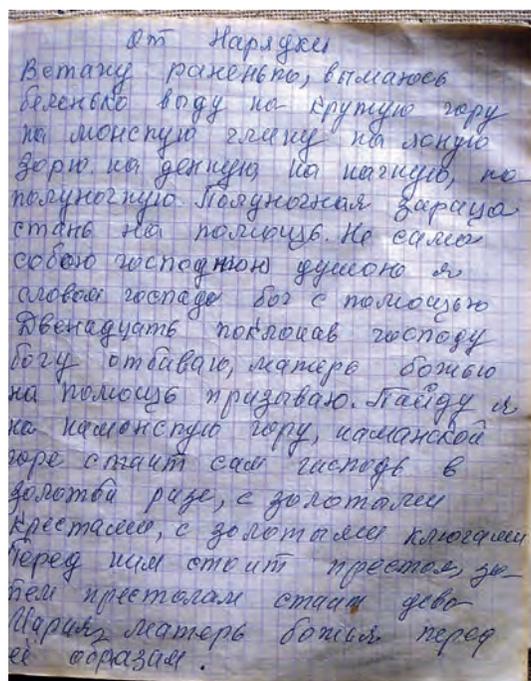
Высылаю эту з'едку-нарадку на мха, на балата, на крутыя горы, на ніцыя лозы. У ніцых лозах ляжыць Лотареў камень, на Лотаревым камні чорная руна-воўна, у чорнай руні-воўні ляжыць змяя чарадзеініца. А ты, змяя-чарадзеініца, вынімай сваіх змей і калдоўшчыц. А не будзеш вынімаць, будзеш сама пагібіцца. Будзе ехаць Міхаіл Архаіл на буланым кане. Ён цябе громам уб'е, маланней сажге. І не будзе вас, змей акаянных, на свеце. Амінь.³⁹

В заговорах от нарядки встречаются и довольно архаические мотивы, организующие заговоры от разных болезней: мотив червя, в котором воплощается сама болезнь; мотив обратного отсчета и др. На территории Поднепровья, но севернее, где порча уже не называется нарядкой, но может носить название *след*, фиксируются тексты, имеющие ту же структуру, зачин и образность:

Стану я, раб Божы, благаславясь, пайду, перакрысцясь, пайду з дзвярэй у дзверы, з варот у варота, пад краснае сонца, пад чыстыя мелкія зоркі, пад сінія аблокі. Пайду я, раб Божы (імя), на акіян-мора, на акіяне-моры ёсць востраў, на том вос-

³⁹ Зап. Лопатин Г. И. в 1993 г. в д. Верхличи Красногорского р-на Брянской обл. от Грибановой П. А., 1920 г. р.

траве злат камень, на том злат камні стаіць светлая саборная апостальская царква. У той царкве стаіць свят прастол. На том святым прастоле сядзіць Ісус Хрыстос, Маць Прысвятая Бож'я Багародзіца. Я к табе надайду пабліжа, пакланюсь паніжа, пакарусь, пакланюсь. Ты, Маці Прысвятая Багародзіца, спасі, сахрани і памілуй твайго раба (імя) ад усякага страдання і балезні, ад усякага зла, нячыстага духа, злога чалавека, супустата. Ад чорнага, ад русага, ад краснага, ад черёмнага, ад адназубага, ад двухзубага, ад дзеўкі-праставалоскі, ад бабы-самакруткі. Хто на мяне ліха падумае, зло памысліць, быў бы нем, быў бы слем, паў бы проці мяне ніц-нічком і слова не гаварыў проці мяне. Амінь.⁴⁰

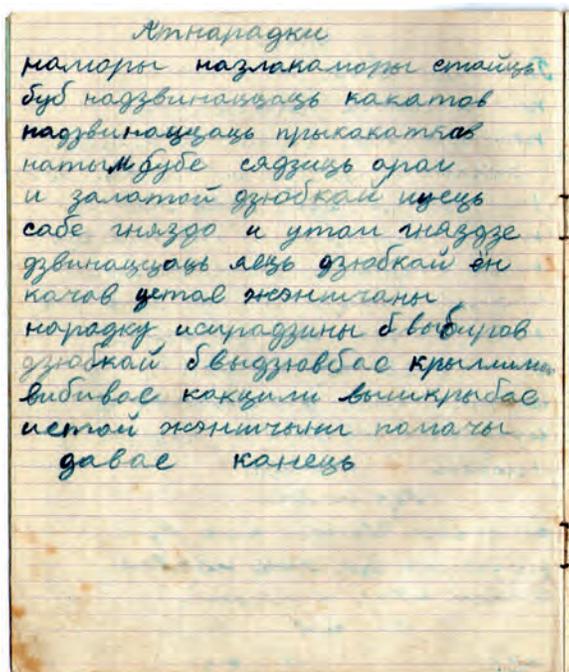
Сл. 7 – Заговор от нарядки из рукописной тетради, Краснополяский р-н.

Таким образом, белорусские заговоры от нарядки представляют собою развернутые многослойные тексты, в абсолютном большинстве из которых органически соединены два основных сюжетных типа: обращения в мифологический центр и избавления от недуга. Описание мифологического центра насыщено христианской симво-

⁴⁰ АВНЛ: зап. Глушенкова О. в 2001 г. в г. Орша Витебской обл. от Харевич О. Е., 78 лет.

ликой, субъект заговора преодолевает путь в этот центр, встречается с сакральным персонажем, подчеркнута активным, действия которого описываются достаточно подробно. Эти тексты наполнены и иными формулами – формулой невозможного, космического ограждения и т.д., причем сами эти формулы развернуты, полны ярких деталей, синонимических образов и конструкций. Отдельные мотивы типа устранения недуга свободно чередуются, варьируются, наполняются диалектными особенностями. Именно эта группа характеризуется особой выразительностью и художественностью.

Подобная мозаичность заговорного текста, насыщенность его разными мотивами, в целом не характерны для белорусской традиции, где тексты обычно являют собою реализацию одного из сюжетных типов. От основного корпуса белорусских заговоров от болезней данную группу отличает сложная семантическая структура (когда основная задача избавления человека от болезни сопровождается наделением его особенной крепостью и неуязвимостью, а также включает довольно агрессивные выпады в сторону недоброжелателей), что отразилось в гетерогенности набора мотивов и формул, из которых состоят заговоры от нарядки.

Сл. 8 – Заговор от нарядки из рукописной тетради, д. Волынцы Кормянский р-н.

Среди характерных черт заговоров этой группы – нарочито активное использование религиозной символики, но вместе с тем тонкое и яркое взаимопроникновение христианских и более архаических деталей, образов и приемов. Персонажи библейской истории наряду с духами-хозяевами и доброхожими включаются в процесс паритетного взаимоотношения человека с космосом со всеми его жителями и обитателями. «Разные по своему происхождению элементы не просто смешиваются, но взаимно проникают друг в друга, и вырабатывается новое качество текста, который существует в поле структурного напряжения разных традиций, получая за счет этого особую глубину и многозначность» (Топорков 2005: 106).

Внешние связи

Ярким маркером восточнобелорусских (поднепровских) заговоров, объединяющим их с русской традицией, является мотив воды, омывающей *каменне-краменне* – «Водица царица божья помощница смываешь крутые береги, желтые пески, сырые коренья, белые каменя, измый нарядку»⁴¹. Вступительная формула, эксплицирующая идею пути, известна почти исключительно в севернорусском регионе, и по мере движения на юг ее частотность резко снижается, достигая уже в центральнорусских областях уровня единичных фиксаций (Агапкина 2010: 79). К примеру один из севернорусских заговоров с особенно похожей на белорусские тексты от нарядки структурой, набором мотивов и образностью:

Лягу я, раб Божий (имя рек), благословясь, встану перекрестясь и пойду из дверей в двери, где живут звери, в чисто поле, на Сиянску гору. На Сиянской горы стоит черный поп, у черного попа черны рукавицы: он вспахивает, он взмахивает с раба Божия младенца осуды и призоры, скорби и болезни, с костей, с моздей, с ясных очей, с высоких бровей и со тридевяти суставов. Возьму я, раба Божия (имя рек), осуды и призоры и пойду в чисто поле. В чистом поле стоит мать-Божья церква, и как в той церкви Сама Мать Пресвятая Богородица и Сам Сус Христос со двенадцатью апостолам: Михаил архангел, Гаврила архангел, Кузьма, Демьян, — и отговаривают от ссуда, от пересуда, от стрешника, от поперешника, от мужска полку, от женска полку, от девки от косатой, от женщины волосатой и от всякой скверности, нечистой совести и двенадцати недуг. И возьму раба Бо-

⁴¹ Переписала Володина Т. В. в г. Климовичи Могилевской обл. с тетради Курепиной М. Н., 1928 г. р.

жия (имя рек) осуды и призоры с костей, с моздей, с ясных очей, с высоких бровей. И положу в собачью кость и вынесу на Океан море. Океан моря не обойтить, а бела Латырь камня не своротить, а раба Божия (имя рек) не осудить, не опризорить, ни колдуну, ни колдуньи, ни от своей черной думы, ползуньи, аминь (Майков 1869, № 218).

Однако, что обращает на себя внимание, немалое количество заговоров Посожья этого типа также включает описание пути субъекта: «Устану я раненька, памыюся бяленька, прыбяруся харашэнька, выду за новыя цясовыя вароты, зірну на яснае сонца, на сіняе мора. На сінім моры, на Лукаморы стаіць бяроза» (Лопатин 2017: 191, № 475; Ветк.). Для белорусской традиции описание пути субъекта в целом мало характерно. Формулы, соответствующие популярному русскому зачину, в записанных на белорусской территории заговорах встречаются в единичных случаях, что не исключает заимствования или же прямого влияния.

Госпадзі Божачка, благаславі, Мамачка Прячыстая, памагі. Не сама я сабою, ранняя зарёю, Прячыстаю Маткаю Сьвятой, сьвятым духам выгаварівае Танька Манькі сьняціе порчы. *Стану я перекресьцясь, выйду благаслаўлясь, і з ізбы дзьверямі, з варот вратамі ў чыстае поле, у зялёную дуброву. У зялёнай дуброве стаіць белая бярэза во дзьвенацаці карнях. Як на мне не дзяржыцца ні ўтренняя раса, ні вячерняя раса, не дзяржыцца на Манькі ні ўрокі, ні прызоры, ні скорбі-балезні, ні страх-перепалох, ні перяломы, ад радзімца радзімага, ад бела белах, ад чорна чорных, ад двоезубых, ад троезубых, ад двоежонных, ад троежонных. Будзьце, маі слава, крепкі-лепкі на ўсход сонца і на захад сонца, Божая Мацерь пріступала, Госпада Бога на помыч Амінь. Слава Атцу і Сыну і Сьвятага Духа. Амінь.*⁴²

Заговорная традиция Посожья создала свою формулу пути субъекта, к слову, необычайно поэтическую и выразительную:

Устану я рана-раненька, умыюсь бела-бяленька, вытруся суха-сухенька (уватруся белой пеленою), прыбяруся харашэнька, памалюсь я Госпаду Богу вярненька (адкуль жаркае сонца ўсходзіць), выйду за новыя цясовыя (Божжыя) вароты, зірну на яснае сонца, на сіняе мора (выйду я ў чыстае поле).⁴³

⁴² Зап. Володина Т. В. и Антропов Н. П. в 2012 г. в г. Трастино Хотимского р-на Могилевской обл. от Андрюшкиной Т. Н., 1920 г. р.

⁴³ См. близкий зачин из сборника Майкова: «Встану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь утреннюю росую, утрусь тонким белым

Из известных записей 19 – первой половины 20. века этот зачин встречается только у Романова в записях из Мстиславского, Рогачевского уездов, кстати, в заговорах подобных тематических групп – от хлевника, шала, в любовных заговорах; в современных записях география зачина несколько более широкая, однако преимущественно это восточные районы страны.

Т. А. Агапкина среди характерных черт севернорусской заговорной традиции упоминает регулярность мифонимив (Буян, Латырь и т. д.), которая размывается по мере продвижения на юго-восток (Агапкина 2010: 79–80). В данной группе белорусских заговоров наблюдается заметное количество текстов с этими мифонимами, причем последовательно выдерживаются концентрические круги (океан – остров Буян – камень Латырь и под.).

Обращает на себя внимание популярность мотива неисчерпаемости множества, который широко известен в рукописной русской традиции (Агапкина 2010: 177) и в текстах севернорусских заговоров. Именно в этой функциональной группе среди формул невозможно особенно частотны мотивы, связанные с верой и христианскими установлениями: «У царкві, у саборы, у алтарэ нявернай сіле не бываць, і прастола не калыхаць, іарданскай вады не разьліваць, так у раба Божага нявернай сілы не бываць»⁴⁴. Перенесение действия в мифологический центр только усиливает семантику невозможного, т. к. порядок в сакральном центре вечен и нерушим:

І на Сіянскай гарэ стаіць Божы храм на дзвенаццаць прыдзелаў, на дзвенаццаць дзвярэй, на дзвенаццаць замкоў, на дзвенаццаць званоў, на дзвенаццаць панікедзелаў, на дзвенаццаць прыстолаў, на дзвенаццаць кніжак, на дзвенаццаць дзячкоў. Як гэтым парыздзелама самім не прыдзельвацца, як гэтым дзвярама самім не адкрывацца, як гэтым замкама самім не адмыкацца, як гэтым званама самім не званіцца, як гэтым панікедзелама самім не загарывацца, як гэтым прыстолама самім не станавіцца, як гэтым кніжкама самім не чытацца, як гэтым дзячкама самім не ўспяваць, так у раба Божага (імя) з'едкі, нарадкі не бываць ні намоўныя, ні прыгаворныя, ні ветравыя, ні віхравыя, ні насыльныя.⁴⁵

Явно ближе к рукописной традиции «мотив добывания со дна моря ключей, которыми заперты железный тын, окружающий паци-

полотном и пойду из избы в двери, из дверей в ворота, под восточную сторону к Окияну морю. На том Окияне море стоит Божий остров» (Майков 1869: № 119).

⁴⁴ Зап. Володина Т. В. в 2009 г. в д. Хизов Кормянского р-на Гомельской обл. от Сергеенко М. И., 1934 г. р.

⁴⁵ Зап. Лопатин Г. И. в 1993 г. в д. Верхличи Красногорского р-на Брянской обл. от Грибановой П. А., 1920 г. р.

ента, церковь или даже сам имярек» (Агапкина 2010: 182), неоднократно фигурирующий в заговорах от нарядки (см. выше): «Абграджаваю, абстаўляю жалезным пряслам, жалезным тынам, запіраю, замыкаю, і ў моря ключы брасаю. Як з моря ключоў не дастаць, так этага чалавека не счараваць»⁴⁶.

Прямые параллели можно провести между подробными описаниями возможных вредителей – см. рус. олонец. «от дефки от пустоволоски, от бабы нечистоделки, от трежоного и от двужоного, от одножоного, и от треглазого, от двуглазого, от одноглазого, от трезубого, от двузубого, от однозубого, от цёрной пецени, и от горецей крови, и от колдуна, и от колдуньи, и от едуна и от едуньи» (Мансикка 1926: № 1) и бел. «ад двоезубых, ад троезубых, ад двоежоных, ад троежоных»⁴⁷. Вплоть до текстовых совпадений ряд параллелей выявляет формула *космического ограждения*, которая, как правило, следует за описанием пути субъекта, что имеет довольно давнюю историю и фиксируется в Олонецком сборнике 17 века. Именно на территории Русского Севера устойчивы представления о лесных царях, оказывающих свое покровительство в том числе и при болезнях. Обращение к лесному царю зафиксировано в Олонецком сборнике и до нашего времени фиксируется в посожских районах Гомельщины.

Из самых близких параллелей к подобного рода текстам можно приводить севернорусские заговоры именно от порчи, см. один из примеров:

Господи, благослови, отче. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се яз, раб имярек, стану благословя(сь), пойду перекрестяс(ь), оболоку на себя красное солнце, опояшус(ь) светлой зорей, поттычюс(ь) частыми звездами, возму в руке млад светел месяц, и пойду в чистое поле, и стречю своего аггела хранителя и Пречистую мать Богородицу; и молюс(ь) и плачюс(ь): Покрой меня кровом своим и крылома своима и огради меня ризою своєю от колдуна и от колдуниц(ы), от ведуна и от вещь(ицы), и от всякого злаго человека, и от всякой злой притчи на воды и на земли. Есть святое море окяно, // (л. 9 об.) на окяни море ес(ть) черной остров, на черном острови есть белой камен(ь), на белом камени ес(ть) тридевять храмов, ес(ть) церкви Господни; у тех трехдевяти храмов ес(ть) тридевять замков, у трехдевяти замков ес(ть) тридевять ключев, у трехдевяти ключев ес(ть) тридевять апостолов Господних; и от тех трехдевя-

⁴⁶ Зап. Володина Т. В. в 2012 г. в д. Мышевое Костюковичского р-на Могилевской обл. от Кабанцовой Р. Н., 1939 г. р.

⁴⁷ Зап. Володина Т. В. и Антропов Н. П. в 2012 г. в г. Трастино Хотимского р-на Могилевской обл. от Андрушкиной Т. Н., 1920 г. р.

ти храмов ес(ть) к высоты небесной златая лествица; и по той по златой лествиц(е) с высоты и с красоты небесной спущаетца (на) меня, раб(а) Б(о)жия имярек, аггел хранител(ь) и мати Пречистая Богородица, и приходят ко *трехдевяти апостолом и емлют у *трехдевяти апостолов тридевять ключев и отмыкают тридевять замков, отворяют тридевять храмов и пушают меня, раба Б(о)жи(я) имярек, в тридевять храмов, и одевают меня, раба Б(о)жия, ризой своею Пречистыя Богородица ото всякаго врага и супостата, и от колдуна, и колдуниц(ь), и от ведуна, и от вещиц(ь), и от злаго чародейника, и впушают в тридевять храмов и затворяют тридевять храмов, и замыкают тридевять замков; и Пречистая Богородица емлет тридевять ключев и отдавает тридевяти апостолом, и наказывает аггелу хранителю моему, велит хранит(ь) // (л. 10) от всякаго врага и супостата, и от злые притчи, от водянной и от земной, и от подземной, и от лешей, и от ветренной, и от посланой; емлет аггел мой хранител(ь) тридевять ключев и спущает в окиян море. Сим словам ключ и замок. Амин(ь) (Топорков 2010: 99).

Смысловое тождество и подобная образность в каждой традиции реализованы своим набором выразительных средств, однако такая близость организации текстов наводит на мысль или о единых истоках поднепровской (и посожской как ее части) и севернорусской традиций, или же о более позднем влиянии.

В целом некоторые параллели севернорусской и поднепровской традиций в сфере духовной культуры историками объясняются в русле данных о процессах, когда еще до славянизации Севера в конце железного века финоугорскую гидронимию значительно потеснил пласт гидронимов балтского типа именно с Верхнего Поднепровья. Как следует из разысканий А. Л. Топоркова, севернорусская традиция заговоров складывалась постепенно на протяжении 15–16. вв. и это происходило параллельно с новгородской колонизацией северных земель. Среди существенных факторов оформления этой традиции могло быть принесенное с собой рукописное наследие Новгородской земли (Топорков 2010: 22). Сопоставление поднепровских и новгородских заговоров еще ожидает своего исследования, однако даже беглый взгляд позволяет выделить ряд совпадений и любопытных параллелей, характерных именно для этих зон и отсутствующих в других локальных заговорных комплексах.

Все это может свидетельствовать в пользу тезиса о единых истоках ряда этнокультурных явлений. Очевидно, впоследствии заимствованные структуры и формулы в рамках местных заклинаний обрастали этническими деталями, выразительными средствами, в

систему образов включались местные (доброхожие и иные *хозяева*) персонажи.

Заговоры этой функциональной группы подталкивают к размышлениям о разных периодах заимствования или же миграции текстов. В последние десятилетия заговоры от порчи, колдунов и под. относятся к числу самых популярных, что в целом закономерно, т. к. от большинства болезней все-таки лечатся у врача. Заболевания психоневрологического характера, кожные болезни типа рожи, по приказам деревенских жителей, все же предпочтительнее лечить у знахарей. Понятно, что все недомогания, связанные с воздействием злой воли иного человека, целиком в распоряжении народных целителей. С 90-х прошлого века, когда знахарские практики переживали легитимизацию в глазах общества, значительно активизировались практики переписывания заветных *молитв* в тетради. На территории Беларуси в свободной продаже появилась волна российских сборников заговоров *на каждый день*, из отечественных на то время существовал только том *Замовы* из серии *Беларуская народная творчасць*, который, к слову, выдержал три переиздания и не залеживался на полках книжных магазинов. Потому есть основания предполагать заимствования и довольно позднего времени, когда в реальной практике заговаривания разнородные и разновременные пласты могут проникать друг в друга.

Блок заговоров от нарядки представляет собой оригинальный, достаточно единый, но богатый семантически и поэтически комплекс, в котором органично соединились разновекторные культурные влияния.

Библиография

- Агапкина, Татьяна (2010). *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира*. Москва: Индрик.
- Барташэвіч, Галіна (1992). *Замовы* / Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч. Мінск: Навука і тэхніка.
- Васілевіч, Уладзімір, Лія Салавей (2009). *Замовы*. Мінск: Беларусь.
- Вяргеевка, Святлана (2009). *'На моры-акіяне, на востраве Буяне...': (лекавыя замовы Гомельшчыны): фальклорна-этнографічны зборнік*. Гомель: ГДУ.
- Добровольский, Владимир (1891). *Смоленский этнографический сборник*. Ч. 1. Санкт-Петербург.
- Добровольский, Владимир (1914). *Смоленский областной словарь*. Смоленск, Типография П. А. Силина.
- Крук, Иван (рэд.) (1995). *Магія слова чароўнага*. Мінск: ІПК адукацыі.

- Лобач, Уладзімір (2006). *Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Народная медицина беларусаў Падзвіння. У 2 ч. / склад. У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ.*
- Майков, Леонид (1869). Великорусские заклинания. *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, II, 417–580.
- Мансикка, Вильо (1926). Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии. *Sborník filologický. Vydává III. Třída České akademie věd a umění*, VIII, 1, 185–233.
- Романов, Евдоким (1891). *Белорусский сборник*. Вып. 5. Витебск: Тип. Малкина.
- Топорков, Андрей (2005). *Заговоры в русской рукописной традиции XV – XIX вв. История, символика, поэтика*. Москва: Индрик.
- Топорков, Андрей (2010). *Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. // Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова*. Москва: Индрик.
- Филин, Федот, Федор Сороколетов (ред.) (1985). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 20 Санкт-Петербург: Наука.
- Штэйнер, Иван, Валянціна Новак (уклад.) (1997). *Таямніцы замоўнага слова*. Гомель: БНТІ.

Извори илустрација

Карта выполнена Тимофеем Авилиным. Сл. 1–4, 6 – Т. Володина, сл. 5 – Т. Кухаронак, сл. 7 – В. Лобач, сл. 8 – П. Цалка. Записи и фотографии хранятся в Архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси.

Белоруске басме против *нарјадке*: сужејно-фигуративне и ареалне карактеристике, северноруске паралеле

Татјана Володина

Резиме

У раду се говори о специфичном феномену духовне културе белоруско-руског пограничја – тзв. *нарјадке* (*нарјадке*), чиме се означава како облик слања урока на човека, тако и болест која проиходи из зле намере и низа малициозних радњи. Поступци лечења ове болести практично нису представљени, а главну улогу у лечењу имају басме. Од основног корпуса белоруских басми од болести, ову функционалну групу издваја сложена семантичка структура: главни задатак исцељења особе праћен тиме што јој се додељују нарочита снага и нерањивост, а према зломисленицима упућени су врло агресивни напади. У оквиру унутрашњих веза, басме против *нарјадке* укључене су у блок текстова који се може условно комбиновати у оквиру назива *против врачања* и он открива низ сужејних укрштања с басмама против змије.

Басме против *нарјадке* приказане су као развијени вишеслојни текстови, а у већини њих два главна сужејна типа су органски повезана: молба митолошком центру и терање болести. Опис митолошког центра засићен је хришћанском симболиком. Субјект бајања савлађује пут до овог центра и среће сакралног актера који је претерано активан и чије делање се подробно описује. Басме садрже формуле немогућег ('никад'), мотиве заштите простора, кључева и друге мотиве популарне у северноруској традицији. За ову групу карактеристична је нарочита умешност. Генерално, упознавање с басмама против *нарјадке* пружа утисак да се отвара свет фантастичних слика и прича.

Међу обележјима басми ове групе јесте смишљено активна употреба религијских симбола, јер у борби против враџбина ова симболика и црквени атрибути сматрају се најделотворнијима. Али, текстови показују фину мешавину хришћанских и архаичних појединости, слика и поступака. Јединствено обележје басми против *нарјадке* јесте молба упућена демонолошким ликовима, тзв. *доброхожие* [невидљиви или бели људи]. Ликови библијске историје, заједно с духовима покровитељима места и *доброхожие*, укључени су у процес аналогних веза између људи и космоса са свим његовим становницима.

Представе о *нарјадки* познате су на територији Белорусије око реке Сож, а мотиви басми и ликови показују велики број подударња са северноруском традицијом, што покреће питања о заједничким изворима и/или могућим миграционим рутама и културним позајмицама. Рад је заснован на теренским истраживањима спроведеним претходних година, а знатан део се овом приликом први пут помиње у науци.

Кључне речи: басме, народна медицина, белоруски фолклор, пограничје, сужеи и ликови, миграције

Belarusian Charms Against *Naryadka*: Plot, Figurative and Areal Characteristics, North Russian Parallels

Tatsiana Valodzina

Summary

The article deals with one of the specific phenomena of the spiritual culture of the Belarusian-Russian borderland – the so-called *naryadka*, which refers to both the form of sending a curse on a person and the disease resulting from malicious intent and a number of malicious actions. The actions of curing this disease are practically not presented, the main role in healing is performed by verbal charms. This functional group is distinguished from the main body of Belarusian healing charms by a complex semantic structure, when the main task of healing a person is accompanied by endowing him with a special strength and invulnerability, and also includes rather

aggressive attacks in the direction of ill-wishers. In the context of internal connections, charms against *naryadka* are included in a block of texts that can be conditionally combined under the name *against sorcery* and reveals a number of plot intersections with charms against a snake.

Charms against *naryadka* are represented as expanded multi-layered texts, in the absolute majority of which two main plot types are organically connected: appeal to a mythological center and getting rid of the disease. The description of the mythological center is saturated with Christian symbolism. The subject of the spell overcomes the path to this center, encounters a sacral character, who is exaggeratedly active and whose actions are described in detail. Charms include the formulas of the impossible, area protection motifs, keys motifs, etc., popular in the Northern Russian tradition. This group is characterized by a special artistry. In general, when you get acquainted with the charms against *naryadka*, you get the impression of falling into the world of fabulous images and stories.

Among the features of the charms of this group is the deliberately active use of religious symbols, since in the fight against sorcery, it is this symbolism and church attributes that are considered the most effective. However, the texts demonstrate a subtle combination of Christian and more archaic details, images and techniques. A unique feature of charms against *naryadka* is an appeal to demonological characters, so called *dobrohozhy*. The characters of the biblical history, along with the master-spirits and the *dobrohozhy* spirits are included in the process of parity relationship between human and the cosmos with all its inhabitants.

Ideas about *naryadka* are known on the territory of the Belarusian region surrounding river Sozh, while charms motifs and images reveal a number of coincidences with the Northern Russian tradition, which raises questions about common sources and / or possible migration routes and cultural borrowings. The article is based on material of field records of recent years, a significant part of which was introduced into scientific use for the first time.

Key words: verbal charms, traditional medicine, Belarusian folklore, borderlands, plots and images, migrations

др Татјана Васиљевна Володина
Центар за проучавање белоруске културе,
језика и књижевности,
Национална академија наука Белорусије, Минск
Е-пошта: tanja_volodina@tut.by

Примљено: 4. 3. 2019.
Прихваћено: 1. 4. 2019.